

Рудольф
Штайнер

Краткий очерк Антропософии

+ Издательство + Антропософия +

Рудольф Штайнер

КРАТКИЙ ОЧЕРК АНТРОПОСОФИИ

Москва
«Антропософия»
1993

Перевод с издания:

R.Steiner. Die Rätsel der Philosophie in ihrer Geschichte als Umriß dargestellt. —

Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1985.

Bd 2. Kap.: Skizzenhaft dargestellter Ausblick auf eine Anthroposophie.

Перевод А.А.Гугнин
Редактор Д.А.Усачёв
Вёрстка А.Б.Борович
Корректор Н.В.Введенская

Главный редактор В.Г.Тихомиров
Управляющий издательством С.В.Коломейцев

ББК 86.394
Ш 87

Штайнер Р.

Краткий очерк антропософии / Пер. с нем. А.А.Гугнина. — М.: Антропософия, 1994. — 32 с.

ISBN 5-86951-002-3

Это сочинение выдающегося мыслителя и ученого, христианского посвященного Рудольфа Штайнера (1861-1925) является заключительной главой его книги "Загадки философии, изложенные как очерк ее истории" (1914) и дает глубокое понимание существа основанной Р.Штайнером новой духовной науки, или антропософии, актуальность которой возрастает с каждым годом.

Очерк будет интересен всем, кто испытывает недостаток в сильной и гармоничной душевной жизни как верном инструменте для проникновения в смысл происходящих исторических перемен, для сознательного участия в них.

ISBN 5-86951-002-3

ISBN 5-86951-002-3

© А.А. Гугнин. Перевод на русский язык, 1994
© Издательство "Антропософия". Права использования, 1994
© Издательство "Антропософия". Предисловие, послесловие, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Издательство «Антропософия» начинает свою деятельность с выпуска отдельным изданием «Краткого очерка антропософии», представляющего собой заключительную главу книги Рудольфа Штайнера «Загадки философии, изложенные как очерк ее истории». Ее отдельная публикация может получить свое оправдание благодаря тому, что, как пишет Р. Штайнер, во-первых, содержание этой главы «не относится непосредственно к истории философии» и, во-вторых, сама история философии приводит к духовнонаучному мировоззрению как итогу развития философской мысли, начиная с Древней Греции и кончая материализмом XIX века и идеализмом конца XIX начала XX веков.

Вжившись в довольно сложный язык этого небольшого очерка, читатель получит надежное и углубленное понимание антропософского духовного импульса. Медитативная работа над текстом может стать своего рода упражнением для души, стремящейся найти свое место в современном развитии мира и человечества.

В связи с этим следует обратить особое внимание на одно часто встречающееся здесь понятие «самосознающая душа». В своей книге «Духоведение» и в ряде других книг и докладов Р. Штайнер подробно рассматривает существо человека его тело, душу и дух, разделяя их в соответствии с духовной действительностью на физическое тело, эфирное тело, астральное тело, душу ощущающую, душу рассудочную, или душу характера, душу самосознающую, Самодух, Жизнедух и Духочеловек. Все эти части существа человека находятся в процессе становления. Что касается собственно души, то во времена Древнего Египта развивалась преимущественно душа ощущающая, в период Древней Греции и Рима душа рассуждающая, или душа характера. В эпоху европейской культуры развитие получает душа самосознающая. В ходе этого развития человеку впервые дается реальная возможность так преобразовать свое сознание, чтобы оно, находясь в физическом теле, могло одновременно переживать духовный мир не только как предмет веры или суеверия (в том числе научного), но как действительный факт своего изменившегося

восприятия. «Душевная работа, которая здесь подразумевается, состоит в *неограниченном усилении* душевных способностей, которые знает и обыкновенное сознание, не использующее, однако, подобное их усиление. Эти способности суть *внимание и исполненная любви отдача тому, что переживается душой*. Чтобы достичь намеченного, надо усилить эти способности до такой степени, когда они действуют как совершенно новые душевные силы.»*

Предпосылкой для такого преобразования восприятия становится убеждение в том, что мир, который нам дан только в восприятии, не содержит полной действительности. Вместо того, чтобы направлять свои усилия на познание этого мира, душа самосознающая должна обратить внимание на свою собственную способность познания. Очистив и усилив ее, душа обнаружит себя в процессе познания как сущностную часть самой действительности. Этой сущностной познающей части как раз и не достает миру внешних восприятий.

Философское, то есть исполненное любви к истинной мудрости исследование того, каким является современный путь развития человечества, есть исходный пункт антропософии, или духовной науки. Понятый правильно, он даст каждой отдельной душе конкретное направление для ее дальнейшего развития.

Перевод выполнен Александром Александровичем Гугниным, кандидатом филологических наук, автором ряда работ по истории немецкой литературы, переводчиком сочинений М. Опица, Я. Гримма, Л. Уланда, Г. Бенна. В настоящее время он — старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Особую благодарность следует выразить Правлению Всемирного антропософского общества, Управлению наследием Рудольфа Штайнера, а также Антропософскому обществу в России, которое оказало большую помощь как в учреждении издательства, так и в выходе в свет этой первой работы.

Д.А. Усачёв

* См. с. 11 данного издания. Здесь и далее курсив Р.Штайнера.

КРАТКИЙ ОЧЕРК АНТРОПОСОФИИ

Тому, кто рассматривает путь становления философских мировоззрений вплоть до настоящего времени, могут открыться в поисках и устремлениях отдельных мыслителей подводные течения, которые не прорываются в их сознание, но живут в них некоторым образом инстинктивно. Испытующий духовный взор не хочет прямо обратиться к силам, действующим в этих подводных течениях и дающим идеям мыслителей направление, а часто и форму. Кажется порой, что объяснения этих мыслителей словно гонимы тайными могуществами, которых страшатся и не желают замечать. Такие могущества живут в мыслительных мирах Дильтея, Ойкена и Когена. То, что утверждается в этих мыслительных мирах, есть выражение неких сил познания; они хотя бессознательно и владеют философами, но не находят никакого осознанного развития в их философских системах.

Во многих философских системах пытаются прийти к надежности, достоверности познания. Путь, по которому следуют, имеет исходной точкой, в большей или меньшей степени, представления Канта. Изложение мыслей осознанно или неосознанно определяется естественнонаучным способом мышления. Но то, что именно в «самосознающей душе» надо искать источник, из которого черпаются познания, объясняющие также и мир, находящийся вне души, — это предчувствуется многими. И почти всех занимает вопрос: каким образом самосознающая душа приходит к тому, чтобы переживаемое ею в самой себе рассматривать как откровения подлинной действительности? Повседневный чувственный мир превратился в «иллюзию», потому что самосознающее Я в ходе философского развития находило себя со своими внутренними переживаниями все более изолированным в самом себе. Пришли к тому, что даже восприятия органов чувств представляют только как внутренние переживания, не обнаруживающие в самих себе силу, которая могла бы удостоверить их бытие и существование в действительности. Чувствуется, как много зависит от того, чтобы в самосознающем Я найти опорную точку для познания. Но в исследованиях, побуждаемых таким чувством, приходят к воззрениям, которые не дают средств для погружения с этим Я в мир, спо-

способный поддерживать наличное бытие удовлетворительным образом.

Кто ищет объяснения этим фактам, может обнаружить его в особом положении душевного существа, отделившегося в ходе развития философии от внешней действительности. Душа чувствует себя в окружении мира, который открывается ей прежде всего с помощью органов чувств. Но она обратила внимание также на деятельность своего Я, на свое внутреннее творческое переживание. Она ощущает как неотвратимую истину то, что ни один луч света, ни одна краска не могут открыться без воспринимающего свет и цвет глаза. Так, уже в деятельности глаза она чувствует творческое начало. Но если глаз в акте самотворения производит цвет, — так мыслят в духе этой философии, — то где найду я то, что существует само по себе, что обретает свое существование не только с помощью моей собственной творческой силы? Если уж откровения органов чувств являются только выражением собственной силы души, не должно ли в еще большей степени быть таковым *мышление*, желающее получать представления о подлинной действительности? Не обречено ли это мышление на то, чтобы рождать образы, коренящиеся в характере душевной жизни, но никогда не могущие открыть в себе ничего такого, что дает какую-то уверенность для проникновения к источникам бытия? Подобные вопросы прорываются отовсюду в развитии современной философии.

Пока верят, что в том мире, который открывается благодаря органам чувств, содержится нечто законченное, нечто в самом себе покоящееся, что надо было бы рассмотреть и познать в его внутренней сущности, пока в это верят, не смогут преодолеть путаницу, возникающую в связи с указанными вопросами. Человеческая душа способна *осуществлять* свои познания лишь в процессе своего *собственного* творчества. Это убеждение вытекает из предпосылок, описанных в главе этой книги «Мир как иллюзия» и при изложении мыслей Хамерлинга. Но приняв это убеждение, нельзя обойти подводные камни на пути познания до тех пор, пока представляют, что мир внешних чувств содержит истинные основания своего бытия *в себе*, и что надо было бы с помощью того, что мы сами создаем в душе, как-то отразить нечто, лежащее *вне* души.

Обойти эти подводные камни сможет только такое познание, которое постигает духовным взором, что все, воспринимаемое с помощью внешних чувств, предстает благодаря своей собственной сущности не как готовая, заключенная в самой себе действительность, а как нечто незавершенное, как в известном смысле *половинная действительность*.

Пока предполагают, что в восприятиях внешнечувственного мира имеют перед собой полную действительность, никогда не придут к тому, чтобы найти ответ на вопрос: что должна привнести в эту действительность сама душа в процессе познания? И тогда надо будет остановиться на образе мыслей Канта: человек должен рассматривать свои познания как продукт своей собственной душевной организации, а не как откровение истинной действительности. Если действительность в ее собственном облике находится *вне* души, то душа не может произвести то, что соответствует этой действитель-

ности, но произведет лишь нечто, что вытекает из ее особенной организации.

Все тут же меняется, как только мы осознаем, что организация человеческой души отдалается от действительности не потому, что она сама творит в процессе познания, но потому, что она в жизни, развертывающейся до всякого познания, наколовывает для себя некий мир, *не* являющийся действительным. Человеческая душа помещена в мир таким образом, что благодаря собственной сущности делает вещи иными, чем они суть в действительности. В известном смысле справедливо утверждение Хамерлинга: «Определенные раздражения производят запах в нашем органе обоняния. А значит, роза не пахнет, когда ее никто не нюхает... Если тебе, дорогой читатель, это ни о чем не говорит и если твой рассудок встает перед этим фактом на дыбы, как пугливый конь, тогда оставь это чтение; оставь эту и все другие книги, толкующие о философских ... вещах, нечитанными; у тебя отсутствует необходимая для этого способность непредвзято воспринимать факт и удерживать его в мыслях». *Каким является* чувственный мир человеку, непосредственно перед ним стоящему, зависит, без сомнения, от существа его души. Но не следует ли из этого, что человек воздействует *посредством своей души* на само явление мира? Непредвзятое наблюдение показывает, что иллюзорный характер чувственного внешнего мира обусловлен тем, что человек, поставленный непосредственно перед вещами, подавляет в себе то, что в действительности им принадлежит. Если же он затем путем собственного творчества развертывает свою внутреннюю жизнь, то из глубин его души поднимается дремлющее в этих глубинах, и тогда к тому, что он воспринял с помощью органов чувств, прибавляется нечто большее, что позволяет в процессе познания превратить наполовину действительное в полную действительность. Душа устроена так, что при первом взгляде на вещи она *стирает* нечто, относящееся к их действительности. Поэтому вещи в восприятии чувств предстают не такими, какими они являются в действительности, а такими, какими их изображает душа. Но их *видимость* (или их явленность) основана на том, что душа сначала отнимает у них то, что им принадлежит. Не оставаясь при первом взгляде на вещи, человек в процессе познания добавляет к ним то, что только и открывает их полную действительность. Посредством познания душа не добавляет к вещам ничего, что по отношению к ним являлось бы недействительным элементом, но она *до* познания отняла у вещей то, что относится к их истинной действительности. Задача философии состоит в понимании, что открывающийся человеку мир является «иллюзией», пока человек не выступает, *познавая*, навстречу ему; что путь познания указывает направление к полной действительности. То, что человек сам в ходе познания творчески производит, предстает как внутреннее откровение души лишь потому, что человек, прежде чем пережить акт познания, должен отгородиться от того, что происходит из сущности вещей. Он не может рассмотреть эту сущность *в* вещах в момент непосредственной встречи с ними. Познавая, он сам себе раскрывает поначалу скрытое. Если человек считает действительностью то, что он воспринял сначала, тогда произведенное им в познании представится ему чем-то, добавленным извне к этой действитель-

ности. Если же он знает, что он должен искать в вещах то, что кажется ему произведенным из него самого, но что на самом деле он удерживал в стороне при первом взгляде на вещи, тогда он почувствует, что познание является принадлежащим действительности процессом, посредством которого душа постепенно срастается с бытием мира и благодаря которому она расширяет свое внутреннее, изолированное переживание до переживания мира.

В небольшой работе «Истина и наука», опубликованной в 1892 году, автор этой книги сделал предварительную попытку философски обосновать то, что изложено здесь в самом общем виде. Он говорил о перспективах, которые должна открыть для себя философия современности, если она хочет обойти подводные камни, которые естественным образом возникли на пути ее новейшего развития. Философская позиция представлена в этой работе такими словами: «Не первый облик, в котором действительность подступает к Я, является истинным, но последний, который Я из него делает. Тот первый облик вообще не имеет значения для объективного мира, его можно использовать лишь как материал для процесса познания. Таким образом, *субъективной* является не та картина мира, которую дает теория, но в значительной большей мере та, с которой первоначально имеет дело Я». Дальнейшим развитием этой точки зрения является работа автора «Философия свободы» (1894). Он пытается здесь подвести философскую основу под воззрение, которое в названной книге описывается следующим образом: «Не в предметах причина того, что они даются нам сначала без соответствующих понятий, а в нашей духовной организации. Все наше существо в целом функционирует таким образом, что из каждой вещи действительности к нему с двух сторон притекают имеющие для него значение элементы: со стороны *восприятия* и со стороны *мышления*. Природе вещей нет дела до того, как я организован для их постижения. Разрыв между восприятием и мышлением существует лишь в тот момент, когда я, наблюдающий, предстаю перед вещами». И далее: «Восприятие есть часть действительности, которая дается объективно, понятие — та ее часть, которая дается субъективно (посредством интуиции). Наша духовная организация разрывает действительность на оба эти фактора. Один фактор предстает восприятию, другой — интуиции. Только их объединение, а именно, восприятие, закономерно вчлняющееся во вселенную, составляет полную действительность. Когда мы рассматриваем чистое восприятие само по себе, мы имеем не действительность, а бессвязный хаос; когда мы рассматриваем саму по себе закономерность восприятий, мы имеем дело только с абстрактными понятиями. Не абстрактное понятие содержит действительность, но мыслящее наблюдение, которое рассматривает понятие и восприятие не односторонне, а в их связи».

Тот, кто готов принять указанные здесь точки зрения, получает возможность мыслить свою душевную жизнь плодотворно соединенной с действительностью в самосознающем Я. Это и есть то воззрение, к которому философское развитие стремится со времен Древней Греции; его первые отчетливо узнаваемые следы запечатлены в мировоззрении Гёте. С помощью этого воззрения познают, что самосознающее Я переживает себя не изолиро-

ванно в самом себе и вне объективного мира; его отъединенное от этого мира бытие есть лишь явление сознания, которое может быть преодолено, если понимают, что на определенной ступени развития человек должен овладеть преходящим обликом Я благодаря тому, что силы, соединяющие душу с миром, вытесняются из сознания. Если бы эти силы непрерывно действовали в сфере сознания, никогда бы не пришли к энергичному, в самом себе покоящемуся самосознанию. Не смогли бы пережить себя как самосознающее Я. Таким образом, развитие самосознания зависит как раз от того, что душе предоставлена возможность воспринимать мир без той части действительности, которую самосознающее Я *стирает* на стадии, предшествующей ее познанию. Мировые силы этой части действительности работают в существе души так, что они отступают в укрытие, чтобы позволить воссиять исполненному сил самосознающему Я. Самосознающее Я должно понять, что его самопознание обязано тому же факту, благодаря которому над познанием мира расстилается некий покров. Этим фактом с необходимостью обусловлено то, что все, вовлекающее душу в сильное, энергичное переживание Я, не открывает более глубоких оснований, в которых это Я коренится. Но тогда и все познание обычного сознания устроено так, что оно вызывает полноту сил самосознающего Я. Человек ощущает себя как самосознающее Я благодаря тому, что воспринимает внешний мир своими органами чувств, что он переживает себя вне этого внешнего мира и находится в таком отношении к внешнему миру, которое на определенной ступени научного исследования заставляет видеть «мир как иллюзию». Если бы это было не так, самосознающее Я не смогло бы проявиться. Следовательно, стремясь к тому, чтобы в процессе познания лишь скопировать наблюдаемое *до* познания, достигают не истинного переживания в *полной* действительности, а отражения «половинной действительности».

Если признать, что факты соотносятся таким образом, то ответ на загадочные вопросы философии нельзя искать в переживаниях души, которые являются обычному сознанию. Это сознание призвано к тому, чтобы усиливать самосознающее Я; стремясь к этой цели, оно должно препятствовать усматриванию связи Я с объективным миром, и таким образом оно не может показать, как душа связана с действительным миром. Тем самым указана причина, почему стремление к познанию, которое хочет осуществляться средствами естествонаучных или им подобных философских представлений, постоянно достигает точки, в которой это устремление в процессе познания распадается. На страницах данной книги надо было отметить это распадение у многих мыслителей нового времени. Ибо по существу все научные устремления нового времени работают с такими средствами научного мышления, которые служат отторжению самосознающего Я от подлинной действительности. Сила и величие новой науки, особенно естественной науки, основана на безудержном применении *этих* мыслительных средств.

Некоторые философы, как Дильтей, Ойкен и другие, направляют философское рассмотрение на самонаблюдение души. Но они рассматривают переживания души, которые образуют преобладающее состояние самосозна-

ющего Я. Поэтому они не проникают до тех источников мира, в которых переживания души бьют ключом из подлинной действительности. Эти источники не могут находиться там, куда душа с обычным сознанием прежде всего будет вглядываться, наблюдая саму себя. Если душа хочет прийти к этим источникам, она должна вырваться из этого обычного сознания. Она должна пережить в себе нечто, чего ей это сознание не может дать. Подобное переживание выглядит для обычного познания сначала как полнейшая бессмыслица. Душа должна в каком-то элементе почувствовать себя *знающей*, не принося, однако, в него свое сознание. Необходимо перепрыгнуть пределы сознания и в то же время все-таки быть сознающим! — Либо мы будем и дальше в наших философских устремлениях постоянно наткаться на невозможное, либо мы должны будем раскрыть глаза на то, что указанная «полная бессмыслица» лишь кажется таковой и что именно она указывает путь, на котором следует искать помощи для ответа на загадочные вопросы философии.

Надо осознать, что путь «внутрь души» должен быть совершенно иным, чем тот, который избирается многими мировоззрениями нового времени. Пока воспринимают душевные переживания так, как они предлагаются обычному сознанию, не входят в глубины души. Останавливаются перед тем, что эти глубины выбрасывают наверх. Так выглядит мировоззрение Ойкена. Необходимо стремиться проникнуть за поверхность души. Но этого нельзя достичь с помощью обычных средств душевного переживания. Сила этих переживаний — именно в том, что они удерживают душу в этом обычном сознании. Средства для более глубокого проникновения в душу появятся тогда, когда направят взор на то, что в обычном сознании хотя и действует, но это действие совершенно не вступает в сознание. Когда человек думает, его сознание направлено на мысли. С помощью мыслей он хочет что-то представить; он хочет думать правильно в обычном смысле. Но можно направить внимание и на другое. Можно обратить духовный взор на деятельность мышления как таковую. Можно, например, поставить в центр сознания мысль, не относящуюся ни к чему внешнему, образуемую как некий символ, в котором совершенно оставляют без внимания, отражает ли он нечто внешнее. Можно упорно и непоколебимо держаться подобной мысли. И в этом постоянстве совершенно вжиться только во внутренний образ действия души. При этом речь идет не о том, чтобы жить в мыслях, но о том, чтобы пережить деятельность мышления. Таким образом душа отрывается от того, что она осуществляет в своем обычном мышлении. Через некоторое время, если душа будет достаточно долго продолжать такое внутреннее упражнение, она узнает, каким образом она пришла к переживаниям, которые отделяют ее от мышления и представления, привязанного к телесным органам. Подобное можно проделать с чувствами и желаниями души, а также с ощущениями и восприятиями внешних предметов. На этом пути можно чего-либо достичь лишь в том случае, если мы не побоимся признаться себе, что к самопознанию души нельзя подступить просто так, заглядывая лишь на ту глубину, которая всегда открыта; но смотрят в глубины души, когда они раскрываются с помощью

внутренней душевной работы. С помощью внутренней душевной работы, благодаря упражнению, достигают такой сосредоточенности на внутренней деятельности мышления, чувствования и воления, что эти переживания определенным образом «уплотняются» духовно в себе самих. При этом «уплотнении» они раскрывают затем свою внутреннюю сущность, которая обычным сознанием не может быть воспринята. Благодаря такой душевной работе обнаруживается, что для осуществления обыкновенного сознания душевные силы должны настолько «истончиться», что они в этом истончении становятся невосприимчивыми. Душевная работа, которая здесь подразумевается, состоит в *неограниченном усилении* душевных способностей, которые знает и обыкновенное сознание, не использующее, однако, подобное их усиление. Эти способности суть *внимание и исполненная любви отдача тому, что переживается душой*. Чтобы достичь намеченного, надо усилить эти способности до такой степени, когда они действуют как совершенно новые душевные силы.

Поступая таким образом, схватывают в душе действительное переживание, собственная сущность которого раскрывается независимо от условий телесной организации. Духовную жизнь, понимаемую так, нельзя смешивать с тем, что Дильтей и Ойкен называют духовным миром. *Этот* духовный мир переживается человеком лишь тогда, когда он связан с его телесными органами. Та же духовная жизнь, о которой мы здесь говорим, не существует для души, привязанной к телу.

В качестве первого *опыта* достигнутой духовной жизни является истинное познание обыкновенной душевной жизни. В действительности и эта жизнь производится не с помощью тела, но протекает вне тела. Когда я вижу краску, когда я слышу звук, то я переживаю краску, звук не как результат работы тела; но я как самосознающее Я связан с краской и звуком помимо тела. Тело имеет задачу действовать так, что его можно сравнить с *зеркалом*. Если я в обыкновенном сознании связан с краской только посредством души, то я ничего не могу воспринять от краски из-за устройства этого сознания. Так же как я не могу увидеть свое лицо, если буду смотреть перед собой. Если же передо мной стоит зеркало, то я воспринимаю лицо как часть тела. Не имея перед собой зеркала, я есть тело, я переживаю себя как тело. Стоя перед зеркалом, я воспринимаю тело как отражение в зеркале. Так же происходит и с восприятием чувств, хотя надо принять во внимание недостаточность всякого сравнения. Я живу с краской *вне* моего тела; посредством деятельности тела (глаза, нервной системы) краска становится для меня осознанным восприятием. Человеческое тело не порождает восприятия, не порождает душевного вообще, но является аппаратом отражения того, что душевно-духовно разыгрывается вне тела.

Благодаря этому воззрению учение о познании приобретает надежную основу. «Достигают... представления о Я с точки зрения теории познания, если представляют, что это Я находится не внутри телесной организации, получая свои впечатления «извне». Переносят Я в самую закономерность вещей и видят в телесной организации только некое подобие зеркала: оно отражает этому Я с помощью органической телесной деятельности находящуюся

вне тела деятельность Я в истинном существе мира». Такими словами автор этой книги пытался охарактеризовать дальнейший путь развития учения о познании в докладе, который он подготовил в 1911 году для философского конгресса в Болонье: «Психологические основы духовной науки и ее отношение к теории познания».

Во время сна отражающее взаимодействие между телом и душой прерывается; Я *живет* только в душевно-духовной деятельности. Для обыкновенного сознания не существует переживания души, если тело не отражает переживания. Поэтому сон протекает бессознательно. При помощи указанных и подобных им душевных упражнений добиваются того, что душа развивает сознание, отличающееся от обыкновенного. Тем самым она приобретает способность не только переживать чисто душевно-духовным образом, но настолько усиливать переживаемое в себе, что последнее в определенном смысле отражается в самом себе без помощи тела и достигает духовного восприятия. И в подобном переживании душа только и может узнать саму себя в подлинном смысле, может сознательно пережить себя в своей сущности. Так же как воспоминание расколдовывает прошлые переживания в физическом теле и вызывает их из глубины души, так и перед душой, которая благодаря описанным упражнениям к этому готова, поднимаются из ее внутренних глубин сущностные переживания, которые относятся не к миру чувственного бытия, но к миру, где пребывает изначальное существо души. Совершенно естественно предположить, что люди, находящиеся под влиянием некоторых современных взглядов и представлений, отнесут этот мир, который здесь обозначен, к области ошибочных воспоминаний, иллюзий, галлюцинаций, самовнушений и тому подобному. Этим людям можно только возразить, что серьезное душевное стремление, направляющее свои усилия по означенному пути, находит во внутренне выработанном строе духа такие же надежные средства для различения иллюзии и духовной действительности, какие в обыкновенной жизни в здоровом душевном состоянии позволяют различать фантастическое построение и восприятие самой действительности. Напрасно искать теоретические доказательства того, что охарактеризованный духовный мир есть действительный мир; но таких доказательств нет и для действительности мира восприятий. Само *переживание* в каждом отдельном случае решает, каким образом это оценивать.

То, что многих удерживает от решительного шага, который в соответствии с приводимыми рассуждениями только и способен разрешить загадки философии, — это мысль, что, сделав его, они попадут в область туманной мистики. Кто заранее не предрасположен к подобной туманной мистике, тот на описанном пути откроет себе доступ к миру душевного переживания, который сам по себе обладает такой же кристальной прозрачностью, как и система математических идей. Конечно, если есть склонность искать духовное в «темной неизвестности», в том, «что нельзя объяснить», тогда нельзя сориентироваться на описываемом пути ни как его знаток, ни как его противник.

Легко понять также, что в числе решительных противников излагаемого здесь воззрения выступают те, кто для познания мира чувств признает в качестве единственного, подлинно научного пути способ представлений, который применяют естественные науки. Но тот, кто отринет подобную односторонность, увидит, что именно подлинный естественнонаучный *строй мыслей* дает основу восприятия здесь изложенного. Чтобы душа в своем внутреннем переживании освободилась от привязанности к телу, она может сосредоточиться, — и это будет для нее наилучшим упражнением, — на идеях, рассматриваемых в этой книге как идеи нового естественнонаучного способа представления. Кто использует эти естественнонаучные идеи, обращаясь с ними так, как здесь изложено, тот найдет, что мысли, которые первоначально, казалось, были предназначены только для того, чтобы отобразить природные процессы, при внутреннем духовном упражнении действительно освобождают душу от телесной зависимости и что поэтому подразумеваемая здесь духовная наука должна образовать своего рода продолжение душевно правильно пережитого естественнонаучного способа мышления.

Знают и переживают истинную сущность человеческой души, если ищут ее на охарактеризованном пути. Развитие философских мировоззрений привело в древнегреческую эпоху к рождению мысли в кругу этих мировоззрений. Дальнейшее развитие состояло в том, чтобы направить философское наблюдение с помощью переживания мыслей на самосознающее Я. Гёте стремился в отношении самосознающего Я к таким переживаниям, что они, будучи переработаны человеческой душой, одновременно помещают эту душу в сферу действительности, недоступной для органов чувств. Гёте с подобной духовной установкой уже стоит на означенной здесь почве, когда он стремится к идее растения, которая не может быть воспринята органами чувств и все же содержит в себе сверхчувственную сущность всех растений таким образом, что, исходя из нее, мыслительным путем выводятся растения, возможные в действительности. Гегель даже увидел в переживании мыслей человеческой душой «пребывание в подлинной сущности мира»; для него мир подлинных мыслей стал внутренней сущностью мира. Непредвзятое рассмотрение философского развития показывает, что хотя переживание мыслей и было элементом, с помощью которого самосознающее Я должно обратить внимание на самое себя, но далее нужно идти через жизнь в мыслях к такому душевному переживанию, которое выводит за рамки обыкновенного сознания. Ибо и переживание мыслей у Гегеля все еще протекает в сфере этого обыкновенного сознания.

Так в душе открывается выход в действительность, которая недоступна органам чувств. То, что переживается в душе через проникновение в *эту* действительность, является более глубокой сущностью души. Но каково отношение этой более глубокой сущности души к внешнему миру, переживаемому посредством тела? Душа, переживающая себя охарактеризованным образом свободной от тела, чувствует себя в некоем душевно-духовном тканни жизни.

Вместе с духом она находится вне тела. И она знает, что и в обыкновенной жизни она находится вне этого тела, которое выполняет лишь роль отражающего аппарата и с помощью которого она воспринимает свои душевно-духовные переживания. Но теперь ее духовное переживание настолько усиливается, что ей открывается новая стихия действительности. Наблюдения над духовным миром в духе Дильтея или Ойкена выставляют в качестве духовного мира сумму культурных переживаний человечества. С этим миром как единственно доступным духовным миром мы еще не попадаем на почву, которая обнаруживала бы свое соответствие естественнонаучному способу мышления. При естественнонаучном взгляде совокупность мировых существ упорядочивается таким образом, что физический человек в своем индивидуальном бытии является как обобщение, как некое единство, на которое указывают все другие явления природы и природные существа. Мир культуры — мир, создаваемый этим человеком. Но этот мир не является индивидуальным единством высшего рода в отношении индивидуальности человека. Подразумеваемая здесь духовная наука указывает на переживание, которое душа может иметь независимо от тела. И это переживание обнаруживает себя как нечто индивидуальное. Оно выступает как высший человек, который относится к физическому человеку как к своему инструменту. Существо, благодаря духовному переживанию души чувствующее себя свободным от физического тела, есть единое духовно-душевное человеческое существо, которое таким же образом принадлежит к духовному миру, как тело — к физическому. Переживая свое духовное существо, душа узнает также, что это существо находится в известном отношении к телу. С одной стороны тело предстает как нечто отдельное от душевно-духовного существа, примерно так, что можно отважиться на сравнение с раковиной улитки, окружающей улитку и являющейся как бы слепком с нее. С другой стороны, духовно-душевное проявляется в теле, как сумма сил в растении, которые, после того как растение разовьется и завершит свое развитие в листьях и цветах, концентрируются в семени, чтобы заложить предпосылки для нового растения. Нельзя пережить духовно-душевное человека без того, чтобы узнать одновременно, благодаря этому переживанию, что в этом человеке содержится нечто, что хочет сформироваться в нового физического человека. Такой новый человек с помощью своего переживания в физическом теле накопил силы, которые не могут быть изжиты в данном физическом теле. Это физическое тело предоставило душе возможность иметь переживания, связанные с внешним миром и делающие духовно-душевного человека иным, чем он был, поскольку он вступил в жизнь в этом физическом теле; и все же это тело в известном смысле слишком определенно сформировано, чтобы духовно-душевный человек смог его преобразовать после испытанных им переживаний. Так в человеке находится духовно-душевное существо, заключающее зачаток нового человека.

Подобные мысли могут быть здесь лишь обозначены. То, что в них содержится, обнаруживает возможность для некой духовной науки, которая в своей внутренней сущности построена по образцу естественной науки. Исследователь в области такой духовной науки будет поступать по примеру

ботаника. Последний наблюдает за растением, как оно укореняется, как растут стебель и листья, как развиваются цветок и плод. В плоде он замечает зачаток жизни нового растения. И если он видит появление растения, он ищет его происхождение в семени, которое берет свое начало в другом растении. Духовнонаучный исследователь будет наблюдать, как человеческая жизнь, помимо внешней стороны, развивает также свою внутреннюю сущность; внешние переживания будут рисоваться ему подобными отмирающим листьям и цветам; но внутри он будет следить за духовно-душевым ядром, которое скрывает в себе задатки для новой человеческой жизни. В человеке, вступающем через рождение в жизнь, он будет видеть, как снова приходит во внешнечувственный мир то, что ушло из него посредством смерти. Он научится наблюдать, как в ходе физической наследственности передается человеку от предков лишь материал, из которого душевно-духовный человек лепит форму, чтобы привести к физическому бытию то, что в зародышевой форме подготавливалось в предшествовавшей жизни.

С точки зрения этого взгляда на мир мы увидим науку о душе в новом свете. О многом можно было бы здесь упомянуть. Но ограничусь лишь одним указанием. Понаблюдайте, насколько человеческая душа чувствует себя преобразованной, когда она переживает то, что в известном смысле является возвращением прежних переживаний. Допустим, человек прочитал значительную книгу в двадцать лет и снова читает ее в сорок лет, тогда он переживает ее как другой человек. И если непредвзято подумать о причине этого факта, то окажется, что воспринятое, благодаря этой книге, в двадцатилетнем возрасте продолжает жить в человеке и становится частью его собственной сущности. Человек имеет в собственном духовно-душевом существе силу, которая была в книге; в этой книге, которую снова читает человек в сорок лет, заключена вошедшая в него сила. Так обстоит дело и с жизненным опытом. Он строит самого человека. Он живет в его «Я». Но видишь также, что в течение жизни это внутреннее укрепление высшего человека должно оставаться на духовно-душевом уровне. Замечаешь и другое: этот человек стремится стать достаточно сильным, чтобы изжить себя в телесности. Помехой для достижения этого является телесная ограниченность одной жизни. Но в глубине человека живет в виде предрасположенности зачаток, который хочет построить новую человеческую жизнь на основе уже достигнутого, как внутри растения живет зародыш нового растения.

К этому можно добавить, что вживание души в независимый от тела духовный мир дает возможность духовно-душевной действительности вступить в сознание, наподобие того как прошлое всплывает в воспоминании. Духовно-душевное обнаруживает себя выходящим за пределы отдельной жизни. То, что я несу сейчас в своем сознании, содержит в себе результаты моего прежнего опыта в физическом теле, а весь мой опыт в физическом теле, с его особенным складом, предстает душе, прошедшей через указанные упражнения, сформированным под воздействием духовно-душевного существа, которое предшествовало образованию этого тела. Жизнь, предшествовавшая образованию тела, возвещает о себе как таковая в чисто духовном мире,

в котором жила душа, пока она в новой физической жизни не смогла развить заложенные семена прежней физической жизни. Замыкаешься перед такой очевидной возможностью развития сил человеческой души, если противишься признанию того, что душа говорит правду о своем опыте, когда, благодаря внутренней работе, она внутри сознания, отличающегося от обыкновенного, достигает истинного знания о духовном мире. Это знание ведет к духовному проникновению в мир, из которого раскрывается подлинная сущность души, находящаяся позади обыкновенного переживания; подлинная сущность духовно сохраняется в смерти, как семя растения сохраняется физически после умирания самого растения. Приходит осознание, что человеческая душа живет в повторяющихся земных жизнях и что между этими земными жизнями находится чисто духовное бытие.

С этой точки зрения действительность принимает в себя духовный мир. Сами человеческие души переносят достижения одной культурной эпохи в более позднюю. Душа появляется в физической жизни в определенном внутреннем состоянии, развитие которого правильным образом наблюдает тот, кто не настолько предвзят, что *хочет* видеть в этом развитии лишь результат физического наследования. То, что Ойкен и Дильтей, имея в виду культурную жизнь, называют духовным миром, изображается ими так, словно последующее постоянно примыкает к непосредственно предшествующему. Однако в этот процесс вступают человеческие души, которые приносят результат своих предшествовавших жизней в форме внутреннего состояния души и которые в то же время должны с помощью внешнего обучения усвоить то, что развилось в культурном мире на физическом плане, пока они пребывали в чисто духовном бытии.

В историческом очерке нельзя дать полное изложение того, о чем здесь идет речь. Тому, кто ищет подобное, я позволю себе указать на мои сочинения, относящиеся к подразумеваемой здесь духовной науке. Если она и стремится в наиболее доступном виде представить мировоззрение, методы и цели которого здесь *очерчены*, то я все же думаю, что за таким способом изложения также можно распознать, в каком роде это мировоззрение покоится на серьезных философских основаниях; исходя из них, оно устремляется в мир, который может увидеть человеческая душа, если она с помощью внутренней работы достигает свободного от тела наблюдения.

Сама история философии учит этому мировоззрению. Ее рассмотрение показывает, что ход философской работы подводит к некоему взгляду, недостижимому в рамках обыкновенного сознания. В трудах мыслителей обнаруживается в многообразных формах, какие попытки в самых различных направлениях предпринимались для исследования самосознающего Я средствами обыкновенного сознания. Теоретическое обсуждение вопроса, почему эти средства приводят к неудовлетворительным результатам, не относится к историческому рассмотрению. Но исторические факты сами отчетливо показывают, что обыкновенное сознание, в какие бы стороны оно ни устремлялось, не может разрешить вопросы, которые оно все же должно ставить. В этой заключительной главе, с одной стороны, надо показать, почему в пределах

обыкновенного и привычного научного сознания отсутствуют средства для проработки этих вопросов. С другой стороны, в ней надо представить то, к чему неосознанно стремятся охарактеризованные мировоззрения. Если с определенной точки зрения последняя глава не относится непосредственно к истории философии, то с другой стороны она выглядит оправданной, а именно с той, которая позволяет ясно увидеть итоги этой книги. Поскольку эти итоги состояли в том, что духовнонаучное мировоззрение появляется как требование новейшего философского течения, как ответ на поставленные им вопросы. Чтобы уяснить это, необходимо рассмотреть некоторые характерные моменты этого философского течения. Франц Brentano говорит в своей «Психологии» о том, как это течение отклонилось от обсуждения более глубоких загадок душевного. В его книге можно прочесть: «Хотя, кажется, есть необходимость ограничить область исследования в этом направлении, все же, вероятно, это только кажется. Дэвид Юм в свое время со всей решительностью выступил против метафизиков, которые утверждали, что нашли субстанцию, несущую в себе психические состояния. "Что же касается меня, — говорит он, — то если я достаточно глубоко вхожу в ту область, которую я называю *самим собой*, то я всегда натыкаюсь на то или иное особенное восприятие жары или холода, света или тени, любви или ненависти, боли или желания. Никогда, сколь бы часто я ни пытался это сделать, я не могу ощутить *себя самого* без какого-либо представления, и никогда я не могу обнаружить что-либо кроме представления. Если же мои представления на некоторое время устраниются, как во время здорового сна, то я в это время ничего не могу почувствовать от *себя самого*, и можно было бы поистине сказать, что я вообще не существую"». Юм знает только об одном наблюдении души, которое подступает к душе без внутренней душевной работы. Но подобное наблюдение никак не может проникнуть к существу души. Brentano отталкивается от положений Юма и говорит: «Несмотря на это, тот же Юм замечает, что совокупные доказательства бессмертия души в системе его воззрений обладают совершенно такой же силой, как и при противоположной традиционной предпосылке». К этому необходимо, однако, добавить, что если образ мыслей Юма является правильным, если в душе ничего нельзя найти, кроме того что он в ней находит, то за его словами может следовать только вера, а не познание. Разве может свидетельствовать в пользу продолжения жизни души хоть что-нибудь из того, что Юму представляется содержанием души? — Brentano продолжает: «Хотя тот, кто отрицает субстанцию души, само собой разумеется, не может говорить о бессмертии души в собственном смысле слова, это вовсе не значит, что вопрос о бессмертии через отрицание субстанционального носителя психических явлений теряет всякий смысл. Это сразу же становится явным, если мы примем во внимание, что в любом случае — с помощью душевной субстанции или без нее — нельзя отрицать некоего дальнейшего существования нашей психической жизни здесь на Земле. Если кто-то отвергает душевную субстанцию, то ему достаточно предположить, что для продолжения жизни душа не нуждается в субстанциональном носителе. Тем самым для него еще вовсе не обесмысливается вопрос,

продолжается ли наша психическая жизнь после разрушения нашей телесности. Это является, собственно говоря, очевидной непоследовательностью, когда мыслители этого направления на основании названных причин отвергают вопрос о бессмертии также и в этом его существенном значении, которое, конечно, лучше было бы назвать бессмертием жизни, а не бессмертием души». И все-таки это мнение Brentano нельзя подтвердить, если не стать на точку зрения изложенного здесь мировоззрения. Откуда же можно взять основания для предположения, что душевные явления продолжают существовать после смерти тела, если мы захотим оставаться в пределах обыкновенного сознания? Это сознание может продолжаться лишь столько времени, сколько будет существовать его отражающий аппарат, физическое тело. То, что может существовать дальше без него, нельзя обозначать как субстанцию; это должно быть *другое* сознание. Это другое сознание можно обнаружить лишь с помощью внутренней работы души, которая освобождает себя от тела. Такая работа позволяет узнать, что душа может обладать сознанием также и без помощи тела. Благодаря этой работе душа находит в *сверхчувственном созерцании* то состояние, в котором она обнаруживает себя, когда покидает тело. И она находит, что пока она носит тело, именно тело затемняет иной род сознания. С вхождением в физическое тело это физическое тело так сильно воздействует на душу, что она в обыкновенной жизни не может развить охарактеризованное здесь другое сознание. В результате указанных здесь душевных упражнений душа должна осознанно оттеснить силы, которые, исходя из тела, гасят свободное от тела сознание. Такое погашение не может больше происходить после отторжения тела. И изображенное здесь другое сознание является тем сознанием, которое сохраняется в следующих одна за другой жизнь души и в чисто духовной жизни между смертью и новым рождением. С этой точки зрения речь идет не о какой-то туманной субстанции души. На основе представления, близкого естественнонаучным идеям, можно показать, каким образом душа продолжает свое существование, подготавливая в одной жизни, подобно растению, семя следующей жизни. В настоящей жизни отыскивается основание будущей. Показывается то истинное, что продолжает существовать, когда смерть уничтожает тело.

Подразумеваемая здесь духовная наука никогда не вступает в противоречие с новейшим естественнонаучным способом представлений. Придется только признать, что с помощью этого способа представлений невозможно проникнуть в саму область духовной жизни. Если же знают о факте существования другого сознания, помимо обыкновенного, то найдут, что это сознание ведет к представлениям о духовном мире, благодаря которым выясняются законы этого мира таким же образом, как это делается естественнонаучным исследованием для физического мира.

Важно, чтобы в отношении этой духовной науки не думали, что она заимствует свои познания у какой-либо древней формы религии. Поверить в это тем более легко, что, например, воззрение о повторяющихся земных жизнях является составной частью известных вероисповеданий. Для современного исследователя духа не может быть заимствований из подобных вероиспо-

веданий. Он обнаруживает, что душа в состоянии достигнуть простирающегося в духовный мир сознания, следуя определенным описанным здесь направлениям. И он учится познавать в состоянии такого сознания, что душа охарактеризованным образом занимает свое положение в духовном мире. В истории философии с момента воссияния мысли в Древней Греции обозначается путь для рассмотрения души в духовном мире; на этом пути приходят к убеждению, что истинное существо души можно обнаружить, если представить себе обычные душевные переживания как некую поверхность, под которую надо спуститься. Мысль проявила себя как воспитатель души. Она привела душу к совершенной уединенности в самосознающем Я. Но, ведя ее к этой уединенности, она укрепила ее силы, благодаря чему душа может настолько углубиться в саму себя, что, стоя на своих истинных основаниях, она одновременно будет стоять в более глубокой действительности мира. Ибо со стороны охарактеризованного здесь духовнонаучного мировоззрения не делается попытка пройти за пределы чувственного мира средствами обыкновенного сознания и только через размышление (построение гипотез). Здесь признается, что для этого обыкновенного сознания сверхчувственный мир должен оставаться скрытым и что душа лишь с помощью своего собственного внутреннего преобразования должна войти в сверхчувственный мир, если она хочет достичь его осознания.

На этом пути становится ясно, что нравственные импульсы происходят из мира, который душа созерцает свободно от тела. Из этого мира в душевную жизнь прорываются побуждения, возникающие не из телесной природы человека и независимо от нее определяющие действия человека.

Когда станет привычным, что Я с его душевно-духовным миром живет вне тела и что оно само подводит переживания внешнего мира к этому телу, то будет найден также путь к сообразному с духом представлению о загадке судьбы. Человек в своем душевном переживании полностью связан с тем, что он переживает как судьбу. Попробуем рассмотреть душевное состояние тридцатилетнего человека. Действительное содержание его внутреннего бытия было бы совершенно другим, если бы он в предшествовавшие годы пережил нечто другое, чем то, что с ним произошло. Его Я немыслимо без этих переживаний. И если даже эти переживания обрушились на него как тяжелые удары судьбы, он стал благодаря им тем, чем он стал. Они относятся к силам, которые действуют в его Я, а не встречают его извне. Как человек духовно-душевно живет с краской и она воспринимается им только через отражение телом, так живет он в единстве со своей судьбой. Человек связан с краской через душу, но воспринять он ее может только с помощью тела; причины ударов судьбы сущностно восходят к предшествовавшим жизням, но *переживает* он их лишь благодаря тому, что его душа вошла в новое земное бытие, в котором она неосознанно вовлекла себя в переживания, соответствующие этим причинам. В обыкновенном сознании человек не умеет соединять *свою волю* с этой судьбой; в достигнутом же свободном от тела сознании он обнаруживает, что он не смог бы хотеть из самого себя, если бы он той частью своей души, которая сущностно укреплена в духовном мире, не хотел бы

всех частностей своей судьбы. И загадка судьбы решается не таким образом, что выдумывают гипотезы о ней, но благодаря тому, что учатся понимать, как человек срастается со своей судьбой через переживание души, выходящее за границы обыкновенного сознания. Тогда узнают, что в задатках земных жизней, предшествовавших нынешней жизни, лежат также причины того, почему имеют то или иное сообразное с судьбой переживание. Судьба обычно приходит в том виде, как она представляется повседневному сознанию, но не в своем действительном облике. Обыкновенному сознанию недоступен взгляд на судьбу, которая осуществляется как следствие предшествовавших земных жизней. Понять, что удары судьбы связывают человека с его предшествовавшими жизнями, означает то же самое, что *примириться* с судьбой.

Также и для таких загадок философии, как эта, следует, с целью выяснения подробностей, обратиться к указанному духовнонаучным сочинениям автора. Здесь можно лишь обсудить наиболее важные *результаты* этой науки, не описывая подробно путей, приводящих к ним и их подтверждающих.

Философия своими собственными средствами ведет к пониманию того, что надо двигаться от наблюдения к *переживанию* мира, который она ищет. В процессе наблюдения мира душа переживает нечто такое, на чем она не может остановиться, если она не хочет быть беспрерывной загадкой для самой себя. С этим наблюдением дело обстоит в действительности так же, как и с семенем, развивающимся в растении. Семя может найти свой путь двояким образом, когда оно созрело. Оно может быть использовано человеком для питания. Если исследовать растение в этом отношении, то учитываются иные точки зрения, чем те, которые возникают, когда зерно продолжает свой путь таким образом, что его опускают в землю, и оно становится зачатком нового растения. То, что человек переживает в душе, имеет сходным образом двоякий путь. С одной стороны, это переживание служит наблюдению внешнего мира. Если душевное переживание исследовать с этой точки зрения, то приходят к мировоззрениям, которые прежде всего заняты вопросом: каким образом познание проникает в сущность вещей? чего можно добиться с помощью такого рассмотрения? Подобное исследование сравнимо с исследованием питательной ценности зерна. Но можно также взглянуть на душевное переживание не с точки зрения его отвлечения вовне, а с точки зрения того, как оно, продолжая действовать в самой душе, ведет ее от одной ступени бытия к другой. Тогда постигают находящуюся в основе этого душевного переживания движущую силу. Осознают ее как некоего высшего человека в человеке, который в течение одной жизни подготавливает другую. Приходит понимание, что это есть основной импульс душевного переживания. И что *познание* относится к этому основному импульсу так же, как использование зерна для пищи — к тому пути зерна, на котором оно превращается в зачаток нового растения. Если этого не учесть, то живут в заблуждении, будто можно в сущности этого душевного переживания искать сущность познания. Тем самым впадают в ошибку, подобную той, какая возникла бы, если бы исследовали питательную ценность зерна чисто химическим путем и захотели бы в результате этого исследования найти внутреннюю сущность зерна.

Охарактеризованная здесь духовная наука пытается избежать этого заблуждения, желая раскрыть собственную внутреннюю сущность душевного переживания, которое на своем пути может *также* прийти и на помощь познанию, не имея в этом *наблюдающем познании* своей исконной природы.

Нельзя путать изображенное здесь «свободное от тела сознание души» с такими душевными состояниями, которые достигаются не с помощью охарактеризованной здесь внутренней собственной работы души, а образуются из разлаженной духовной жизни (в грезящем ясновидении, под гипнозом и так далее). В подобных душевных состояниях мы имеем дело не с действительным переживанием души в освобожденном от тела сознании, а с неким соединением тела и души, отклоняющимся от обыкновенной жизни. К *истинной* духовной науке можно приблизиться только тогда, когда душа в собственной ею самой проделанной внутренней работе найдет переход от обыкновенного сознания к такому, благодаря которому она обретает способность *ясно переживать*, находясь внутри духовного мира. Ибо такая внутренняя работа является усилением, а не разладом привычной душевной жизни.

Человеческая душа посредством подобной внутренней работы может достигнуть того, к чему стремится философия. Это не уменьшает значения последней, хотя на пути, по которому большей частью идут философы, философия не может прийти к тому, чего она хочет достигнуть. Ибо важнее философских результатов — те силы души, которые могут развернуться во время философской работы. И эти силы в конце концов должны все же привести туда, где философии дается возможность признать «свободную от тела жизнь души». Там философия узнает, что человеческая душа хочет не только научно *обдумать мировые загадки*, но и *пережить* их, после того как она приведет себя в состояние, в котором подобное переживание станет возможно.

Сразу возникает вопрос: должно ли теперь обыкновенное, пусть даже строго научное познание изменить самому себя и считать мировоззрением только то, что ему предлагается из области, не являющейся его собственной? Но дело обстоит так, что переживания охарактеризованного здесь сознания, отличающегося от обыкновенного, сразу же указывают путь этому обыкновенному сознанию, если только это последнее само себе не строит препятствий, желая замкнуть себя в своей собственной сфере. Сверхчувственные истины могут быть *обнаружены* только такой душой, которая помещает себя в сверхчувственное. Но если они найдены, то они могут быть полностью поняты и обыкновенным сознанием. Ибо они неизбежно связываются с познаниями, которые могут быть получены для чувственного мира.

Нельзя отрицать, что в ходе развития мировоззрений постоянно возникают точки зрения, подобные тем, которые в этой заключительной главе связаны с рассмотрением хода философских устремлений. И все же в предшествующие столетия они появляются как *побочные пути* философского поиска. Этот поиск сначала должен был пронизать все, что может считаться продолжением ослепительного сияния переживаний мысли Древней Греции, чтобы затем уже из своих собственных импульсов, из ощущения того, что он может

или не может достигнуть, указать на путь сверхчувственного сознания. В прошлые времена путь подобного сознания оставался в определенном смысле не подтвержденным со стороны философии; он оставался не затронутым ею. Но философия современности уже требует этого пути всем ходом своего предшествовавшего развития, проделанного *без него*. Она *без него* подошла к тому, чтобы мыслить духовное исследование в таких направлениях, которые, будучи естественным образом продолжены, приводят к признанию сверхчувственного сознания. Поэтому в начале этой заключительной главы говорилось не о том, как душа может стать без дальнейших предпосылок на почву сверхчувственного, но была сделана попытка *философски* проследить направления, вытекающие из новых мировоззрений. И было намечено, каким образом следование этим направлениям живущей в них самих душой, приводит ее к признанию сверхчувственной сущности душевного.

Примечания

- стр. 5 Дильтей Вильгельм (1833—1911), Коген Герман (1842—1918), Ойкен Рудольф (1846—1926) — немецкие философы.
Кант Иммануил (1724—1804).
- стр. 7 Хамерлинг Роберт (1830—1889) — австрийский писатель и философ. Цитата взята из его книги «Атомистика воли» (Die Atomistik des Willens. — Hamburg, 1891, Bd 1, S. VII).
- стр. 8 «Истина и наука» (Wahrheit und Wissenschaft. — Dornach, 1980, S. 85). Пролог к «Философии свободы». Дополненное издание диссертации Р. Штайнера. Цитата взята из шестой главы «Свободная от предпосылки теория познания и Наукоучение Фихте». Есть русские переводы: М.: Духовное знание, 1913 и М.: Московский центр вальдорфской педагогики, 1992.
«Философия свободы» (Die Philosophie der Freiheit. — Dornach, 1978) — главное философское произведение Р. Штайнера, лежащее в основе антропософской духовной науки. В нем рассматриваются фундаментальные вопросы теории познания и этики. Первая цитата взята из первой главы «Познание мира» (S. 88); вторая цитата — из дополнительной главы «Выводы монизма» (S. 248).
Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832).
- стр. 12 Доклад, прочитанный в Болонье, издан в сборнике статей "Философия и антропософия" (Philosophie und Antroposophie. 1904—1923'. — Dornach, 1984, S. 139)
- стр.13. Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770 — 1831).
- стр. 17 Brentano Франц (1838—1917) — немецкий философ. Цитаты взяты из его книги "Психология с эмпирической точки зрения" (Psychologie vom empirischen Standpunkt. — Leipzig, 1874, Bd. 1, S. 20f.)
Дэвид Юм (1711—1776) — английский философ, историк, экономист.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АНТРОПОСОФИЯ»

В наше столетие, которое близится к концу, каждый отдельный человек, народы и все человечество как никогда подвергались и подвергаются все более и более трудным внешним и внутренним испытаниям. Как выдержать эти испытания? Где в многообразии опыта можно найти прочную основу, благодаря которой тело, душа и дух в человеке обретут равновесие и не будут его терять в борьбе, идущей в окружающем мире и внутри самого человека? Каким образом должна быть поставлена жизненная задача, чтобы именно эту задачу вправе был выполнять только данный конкретный человек и никто другой, кроме него?

Можно было бы умножить число вопросов, сдвигать проблему или в область материи, или в область духа. Существует много разных направлений человеческих поисков выхода. Но во всех случаях в наше время познание и самопознание остаются отделенными одно от другого черной зияющей бездной. Во времена древней философии они были едины; человек познавал природу и самого себя в единстве. А гораздо раньше человек, искавший познания себя и мира, должен был удаляться в места мистерий, где проходил путь посвящения в так называемую мистериальную духовную науку.

Времена изменились, и вот теперь вся жизнь человеческая, весь облик мира стали другими; места мистерий исчезли с лица Земли. Где же они, куда переместились после того, как совершилось центральное событие в развитии Земли и человечества, преобразившее облик всего мира, когда то, что происходило раньше только в местах мистерий, было явлено человечеству как Мистерия Голгофы, когда Христос Иисус, преодолев силы зла, ведущие к смерти, и саму смерть, дал человечеству, народам и каждому отдельному человеку возможность становиться Человеком, познающим Божественное?

Благодаря жизни и деятельности Рудольфа Штайнера (1861—1925) появилась на Земле антропософия, антропософская духовная наука или просто — духовная наука. Рудольф Штайнер, у которого с детства были способности воспринимать духовный мир так же, как и мир физический, поставил перед собой задачу найти путь, связующий человека с обеими сторонами

бытия, путь, который может дать человеку возможность обрести из свободной воли осознанно то, что позволяет ему стать Человеком во всех смыслах. И он это осуществил не только своей жизнью, но и тем, что успел и смог сделать. Вот ряд областей, в которые Рудольф Штайнер внес обновляющие импульсы: познание Христа, философия, психология, все виды искусства, педагогика, медицина, естествознание, сельское хозяйство, экономика и многое другое. Импульсы антропософии действительно могут коренным образом преобразовать человеческую культуру. Богатое антропософское достояние только начинает осваиваться. Дело в том, что оно нуждается в ином подходе вообще ко всему человеку и ко всей его деятельности, внешней и внутренней. Здесь требуется не столько следование методам и методикам, но сам образ мышления, чувствования и воления, само существо человека становится ключом, которым открываются пути к метаморфозам. Духовная наука, обращаясь к человеку, представляет собой современный путь посвящения, на котором можно преодолеть бездну, разделяющую познание и самопознание. Это есть духовнонаучный путь, учитывающий современный уровень и состояние развития тела, души и духа человека. Занимаясь духовной наукой, человек со здоровым непредвзятым человеческим рассудком получает возможность освоить прошлое, настоящее и будущее развитие человека и человечества, а при наличии свободного решения и доброй воли определиться в жизни, обрести гармоническое единство с миром в соответствии с мировыми задачами.

Само имя Антропософия образовано от слов «Антропос» и «София», то есть *Человек* и *Мудрость*. Таким образом, происхождение имени коренится в греко-римской эпохе развития человечества, когда человека называли *Смотрящий вверх на небо*, или «Антропос». Следует обратить внимание, что именно в эту эпоху воплощается на Земле и свершает Мистерию Голгофы Христос Иисус и что, следовательно, имя *Антропософия* находится в прямой связи с этой эпохой.

Одним из главных событий, осуществленных Рудольфом Штайнером, является основание Всемирного антропософского общества на Рождественском собрании в декабре 1923-года. Через такое деяние работа антропософов приобрела общечеловеческое значение, так как до этого момента существовали только отдельные Антропософские общества в разных странах мира. Они стали появляться с 1912 года, когда Рудольф Штайнер вышел из Теософского общества из-за разногласий с руководством относительно понимания значения Христа Иисуса в развитии человека и человечества. С 1923 года Всеобщее, или Всемирное антропософское общество составляют Антропософские общества уже почти всех стран мира.

«Русское антропософическое общество» было учреждено в 1913 году. Духовное его основание состоялось в России в сентябре 1913 года в момент закладки Краеугольного камня здания Первого Гётеанума в Дорнахе (Швейцария). Волею судьбы Первый Гётеанум погиб в огне в ночь с 1922 на 1923 год вследствие поджога, инспирированного силами, противодействующими развитию новых импульсов в мире. Теперь в Дорнахе на месте Первого стоит здание Второго Гётеанума, построенного после 1923 года, то есть после осно-

вания Всемирного антропософского общества. Небезызвестные обстоятельства 1917 года и последовавшие вслед за этим события не позволили антропософам в России продолжать свою деятельность открыто и войти самостоятельной частью в состав Всемирного антропософского общества. В 1923 году была прекращена деятельность Русского антропософского общества в появившихся условиях несвободы в сфере духовной жизни России. Вплоть до конца 80-х годов антропософская работа велась только отдельными антропософами и в небольших группах. После ослабления тоталитарного режима, в ходе демократических изменений в нашей стране появилась возможность основать в декабре 1990 года Антропософское общество в России как часть Всеобщего антропософского общества. А в декабре 1992 года международным общественным объединением Антропософское общество в России учреждено издательство «Антропософия», к главным задачам которого относятся: опубликование на русском языке трудов основателя антропософии Рудольфа Штайнера; выпуск антропософской литературы по общим проблемам и различным областям знаний; издание материалов Антропософского общества в России; выпуск имеющих общечеловеческую ценность произведений.

В.Г. Тихомиров

выпускает в свет:

труды Рудольфа Штайнера:

Антропософия как космофизия. Библ. 207, 208*

В цикле из 22 докладов, прочитанных в Дорнахе осенью 1921 года, рассматриваются соотношения восточной и западной культур, прошлого и будущего развития Земли, вопросы истории, имеющие своим центральным событием Мистерию Голгофы. Глубоко раскрыты вопросы оккультной психологии в связи с природными царствами и с Духовными Иерархиями. Характеризуются такие индивидуальности как Шекспир, Гёте, Вагнер, Фейербах.

Апокалипсис Иоанна. Библ. 104

В цикле из 14 докладов, прочитанных в Нюрнберге в июне 1908 года, раскрывается значение заключительной книги Нового Завета "Откровение Святого Иоанна" как пути христианского посвящения. Подробно рассматривается и объясняется содержание основных событий Апокалипсиса на основе духовнонаучного исследования и на фоне широкой панорамы эволюции Земли и человечества. Книга является надежным путеводителем для тех, кто любит Истину и ищет верные основания для своей внешней и внутренней жизни.

Экономический курс. Экономический семинар. Библ. 340, 341

В цикле из 14 докладов и 6 семинарских занятий, проведенных в Дорнахе летом 1922 года. Р. Штайнер изложил духовные основы экономической жизни, ее смысл и задачи. Книга будет интересна и полезна не только тем, кто непосредственно занят экономическими проблемами, но всем, пытающимся осмыслить происходящее в каждой стране и во всем мире.

труды других авторов:

Сергей Прокофьев. Оккультные основы прощения в антропософском освещении.

В книге, автор которой много лет занят в антропософии, рассмотрено значение различных аспектов прощения как способности человеческой души; приведены исторические примеры прощения. Вскрыты с духовнонаучной позиции оккультные, непреходящие основы этого качества человека; раскрыт путь обретения свойств души, связанных с прощением.

Книга будет полезна всем, кто занят решением духовных, нравственных проблем современности.

* Сокращенное обозначение томов Полного собрания трудов Р.Штайнера в соответствии с Библиографическим указателем Управления наследием Рудольфа Штайнера.

Фолькерт Вилькен. Самостоятельное развитие экономики как социальная жизненная необходимость.

В данной работе западного ученого—экономиста, антропософа, предложены конкретные пути решения насущных социальных проблем современности, в том числе освобождение экономической деятельности из—под влияния политики, а человека от необходимости продавать свою рабочую силу. Рассмотрены недостатки как капиталистического материального метода ведения хозяйства, так называемой рыночной экономики, так и разного рода государственного социализма. Освещен третий путь: на основе учения о трехчленном разделении социального организма, данного Р.Штайнером из антропософии, современной духовной науки.

Книга вышла в Германии после второй мировой войны, но идеи, освещенные автором, не только не потеряли актуальности, но стали сверхактуальны для всего человечества. Все, кто пожелает работать с ее содержанием, может обрести целительные силы для собственной жизни и жизни всех сфер социального организма.

Мария Тун. Календарь благоприятных дней для посадки, обработки растений, сбора урожая, ухода за пчелами и других сельских работ 1994.

В календаре М.Тун и М.Н.Тун на основе многолетней работы, наблюдений и исследований определено благоприятное время для проведения сельскохозяйственных работ. Содержатся рекомендации по работе с биодинамическими препаратами. Авторы занимаются несколько десятилетий биодинамическим экологически чистым сельским хозяйством, основы которого были даны из антропософски ориентированной духовной науки. Календарь станет необходимым спутником каждого, кто работает в связи с природой.

Готовит к выпуску:

труды Рудольфа Штайнера:

Загадки философии, изложенные как очерк ее истории. Библ.18

В этой книге, первое издание которой осуществлено в 1914 году, Р.Штайнером дан исторический обзор философии с эпохи Древней Греции до начала XX века в антропософском освещении. Как итог философских поисков представлена в последней главе антропософская духовная наука.

Духовнонаучные импульсы для развития физики. Первый и второй естественнонаучные курсы. Библ. 320, 321

24 доклада, прочитанные в Штутгарте в 1919—1920 годах. Хотя Р.Штайнер начал читать эти доклады по просьбе учительской коллегии первой вальдорфской школы, материал докладов основой для коренного преобразования всего комплекса традиционных естественнонаучных представлений в смысле насыщения их содержания конкретными данными духовного наблюдения природных прафеноменов.

Сущность музыкального и переживание тона в человеке. Библ. 283

Книга включает доклады Р. Штайнера, непосредственно посвященные духовнонаучному рассмотрению музыки. Эти доклады были прочитаны в 1906 и в 1920—1923 годах в Кельне, Берлине, Лейпциге, Дорнахе и Штутгарте. Спектр проблем, представленных здесь, очень широк: воздействие музыки на духовное преобразование человека; связь между цветом, речью и пением;

человеческий организм как музыкальный инструмент; слуховой процесс; суть различных интервалов; значение отдельного тона; развитие музыки в будущем, расширение звуковой системы через новую жизнь отдельного тона; мир Духовных Иерархий и мир звуков. Книга представит интерес для музыкантов, психологов, врачей и всех, кто интересуется проблемами искусства и антропософией.

труды других авторов:

Гюнтер Ваксмут. Космические аспекты рождения и смерти.

Йорген Смит. Социальное упражнение.

Планирует к выпуску:

труды Рудольфа Штайнера:

Курс драматического искусства и речеобразования. Библ.282

Карма профессии в связи с жизнью Гёте. Библ. 172.

Отношение различных областей естествознания и астрономии. Библ. 323.

Духовнонаучные комментарии к "Фаусту" Гёте. Библ. 272, 273

Рождественское собрание для основания Всемирного антропософского общества. Библ.260

Антропософские руководящие положения. Путь познания Антропософии. Мистерии Михаила. Библ. 26.

Миссия Михаила. Откровение истинных тайн человеческого существа. Библ. 194.

Краеугольные камни познания Мистерии Голгофы. Библ. 175.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Отпечатано в А.О. «Офсет». Зак. 30, – 10т.

